

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига
и удивительная, типично британская
главная героиня – мисс Мод Сильвер,
элегантная и слегка эксцентричная
пожилая дама, обладающая талантом
детektива-любителя. Сама Агата
Кристи не раз признавалась:
во многом Мод Сильвер стала
образцом и прототипом для
легендарной мисс Марпл.

✎ PATRICIA ✎
WENTWORTH

.....
THE TRAVELLER
RETURNS
.....

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

.....

ВОЗВРАЩЕНИЕ
СТРАННИЦЫ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

THE TRAVELLER RETURNS

Перевод с английского *Н.А. Кудашевой*

Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Возвращение странницы : [роман] / Патриция Вентворт ; [пер. с англ. Н. А. Кудашевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 288 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-100228-2

Анна Джослин — красивая и богатая женщина — исчезла при загадочных обстоятельствах, а ее муж Филипп унаследовал все деньги. Спустя три года он собрался жениться вновь, но его планам помешала... сама Анна, неожиданно вернувшаяся домой.

Филипп, однако, отказался признать в женщине, называющей себя Анной, свою жену и объявил самозванкой.

А вскоре подругу Анны, которая могла бы помочь разрешить их спор, убивают...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Patricia Wentworth, 1945
© Перевод. Н.А. Кудашева, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-100228-2

Глава 1

В Продовольственном бюро было холодно и душно. Хорошо бы снова выйти на свежий воздух. Хорошо бы все поскорее закончилось. Не то чтобы она так уж долго ждала, но просто чувствовала сердитое нетерпение. Пережить все, что она пережила, восстать буквально из мертвых и вот теперь терять время в очереди за продовольственными карточками — это было по меньшей мере разочарованием. Она, Анна Джослин, воскресшая из мертвых, стоит в очереди за карточками, вместо того чтобы звонить Филиппу.

Очередь двигалась медленно. Она стала думать о Филиппе. Три с лишним года небытия — долгое время. Больше трех лет Филипп вдовствует, и вот примерно через полчаса кто-то подзовет его к телефону и некий голос — ее голос — сообщит ему радостную весть: Анна Джослин жива. Ей доставляло немалое удовольствие думать о том, как она скажет Филиппу, что он все-таки не вдовец.

А если он в отъезде?.. Странное возбуждение пронзило ее от головы до пят. Это было точь-в-точь такое чувство, какое могло бы охватить ее, если бы пол

разверзся и нога зависла над пустотой. На миг у нее закружилась голова. Потом это чувство прошло. Она застанет Филиппа на месте. Если он и не имел о ней известий, то сведения о его передвижениях и местах пребывания тщательно выверенными окольными путями передавались тем людям, кто помогал ей на пути. Он был в Египте, в Тунисе, после ранения отправлен домой. В должное время, как только он почувствует себя в надлежащей форме, ему предстоит важная встреча в военном министерстве. Так что он, конечно же, окажется дома, в поместье Джослин-Холт — спит себе в башне, или прохаживается по террасе, или обходит конюшни, размышляя о том, как ему распорядиться деньгами покойной Анны Джослин. Разумеется, ему придется дожидаться конца войны. Но никакая мировая война не в силах помешать Филиппу строить планы в отношении Джослин-Холта. О да, она застанет его на месте.

Анна продвинулась в очереди на одного человека, продолжая размышлять. А что, если он вторично женился?.. Она почувствовала болезненный укол, закусил губу. Нет — она бы услышала, ей бы сообщили, предупредили... Предупредили бы? Или нет? Она вскинула голову, губы разжались, дыхание участилось. Нет, ей нельзя на это полагаться, ей нельзя полагаться ни на что. Но все-таки почему-то ей казалось, что Филипп не стал бы жениться во второй раз. Она медленно покачала головой. Нет, у него есть деньги, есть поместье, и вряд ли он стал бы спешить связать себя снова узами брака. В конце концов, у них все шло не слишком гладко, а обжегшись на молоке, дуют на воду. Легкая усмешка тронула ее губы. Она подумала, что Филипп не особенно обра-

дуются тому, что по-прежнему является женатым человеком.

Перед ней в очереди стояли трое: очень полная женщина с корзиной покупок, маленькая, неряшливо покрашенная замухрышка с авоськой и сгорбленный старик. Полная женщина бесконечно долго объясняла, как случилось, что она потеряла свою продовольственную книжку.

— Я не из таких, с которыми это случается, мисс Марш, хотя, наверное, нет такого человека, который когда-нибудь что-нибудь не терял, а я вовсе не претендую быть лучше любого другого, хотя сколько раз мой муж говорил: «Отдай ее маме — у нее она будет как у Христа за пазухой». Так что не знаю, что на меня нашло, но должно быть, я где-то ее выложила, потому что, когда пришла домой, при мне были папины карточки, карточки Эрни, Кэрри и карточки моей невестки, которая гостит у нас, а мои как королева языком слизнула. Поэтому я вернулась и обошла все магазины, куда заходила, и оказалось, что никто их не видел...

Мисс Марш нырнула под конторку и появилась с продовольственной книжкой в руке.

— Вы обронили ее на главной улице, — спокойно сказала она. — Всего доброго.

Замухрышка продвинулась в очереди, наклонилась над конторкой и что-то зашептала.

Анна стояла, высокая, тонкая, красивая, и смотрела поверх согбленных плеч стоящего впереди пожилого мужчины, слегка дрожа и кутаясь в меховое пальто. Голова ее была непокрыта, волосы свисали на воротник жесткой гривой. Они были светло-каштановыми, будто чуть тронутыми солнцем, может,

чуть более светлого оттенка и потускневшими от небрежения. Несмотря на тусклый, запущенный вид, они были густыми и при небольшом уходе опять заблестят. Длинные прямые пряди обрамляли худое овальное лицо, прямой нос, бледные красивые губы, очень глубоко посаженные глаза и тонко очерченные брови, гораздо темнее волос.

Пальто, в которое куталась Анна, было очень красивым. Мягкий темный мех очень украсит ее, когда она приведет волосы и лицо в порядок. Это было следующим на очереди. Она тешила и поддерживала себя этой мыслью. Минут через десять дело с продовольственными карточками будет улажено, и она сможет подстричь и завить волосы и что-то сделать с лицом. Анна прекрасно отдавала себе отчет, что вид у нее ужасный и что Филиппу она в таком виде не покажется.

Теперь оставалось уже меньше десяти минут... меньше пяти... Шепчущая женщина ушла, и к конторке подошел старик. Анна передвинулась на освободившееся место и поставила сумку на конторку. Как и пальто, сумка была — или когда-то была — очень дорогой, но, в отличие от пальто, оказалась весьма потрепанной. Потертая темно-коричневая кожа была покрыта пятнами, кусок золотой буквы А отломился. Анна расстегнула застёжку, вынула продовольственную книжку и положила перед женщиной за конторкой.

— Могу я получить другую книжку?

Мисс Марш взяла книжку, навела на нее бесцветный взгляд, приподняла брови и сказала:

— Это очень старая книжка — совсем устаревшая. Анна наклонилась ниже.

— Да, это так. Видите ли, я только что прибыла из Франции.

— Из Франции?

— Да, я оказалась там заблокированной, когда пришли немцы. Мне только недавно удалось выбраться. Вы позволите мне получить новую книжку?

— Э... ну... не знаю, как бы мы смогли... — Она бросила беглый взгляд на обложку и прибавила: — ...леди Джослин.

— Но мне ведь необходимо иметь продовольственную книжку.

— Вы остановились здесь?

— Нет, я здесь только проездом.

— Тогда я не понимаю, что мы можем сделать. Вам надо получить вашу продовольственную книжку там, где вы собираетесь остановиться на жительство... по крайней мере... я не знаю... у вас есть удостоверение личности?

— Да, вот оно. Мне повезло, подруга припрятала его для меня — и кое-какую одежду, а не то я осталась бы в лохмотьях, а из могилы в лохмотьях лучше не возвращаться.

Мисс Марш воззрилась на нее бесцветными глазами, потом нервно сказала:

— Я думаю, мне лучше спросить у мисс Клаттербек.

Мисс Марш соскользнула со стула и исчезла.

Минут через десять Анна вышла на улицу. Перед этим она заполнила анкету, ей выдали временную книжку на две недели и отдали старое удостоверение личности, которое надлежало держать при себе до того времени, когда будет выписано новое.

Она пересекла улицу и вошла в телефонную будку.

Глава 2

Миссис Армитедж подняла взгляд от пуловера образца ВВС, который вязала, и тут же упустила петлю. Женщина она была крупная, белокурая и в высшей степени добродушная. Она надела старый твидовый костюм, а потертую фетровую шляпку, как всегда, сдвинула на одно ухо. Свободная спица отвратительного ярко-розового цвета была воткнута в густую спутанную массу волос. Когда-то почти золотые, они находились ныне в переходном состоянии, перемежаясь прядями седины, что, пожалуй, больше даже подходило к ее веснушчатой коже, светлым глазам и большому мягкому рту. Твидовый костюм, очевидно, был когда-то грязно-горчичного цвета. Она бы первая признала, что он нарушает гармонию комнаты. Вполне в ее духе было бы сказать: «Но вы только представьте себе комнату, которая бы со мной гармонировала!»

Данная же комната была декорирована для Анны Джослин, когда та вышла замуж. Комната была по-шаблонному прелестной, со своим цветастым обивочным ситцем, голубыми занавесками и старинным фарфором — словом, в высшей степени подходящей для двадцатилетней новобрачной. На белой каминной полке застыли в грациозных позах фарфоровые фигурки, олицетворяющие времена года. Стоящий в угловом буфете яркий чайный сервиз своим тоном подхватывал и повторял оттенок штор. Грязно-горчичный твидовый костюм был здесь определенно не к месту, но его обладательницу это, так же определенно, не волновало.

Миссис Армитедж наклонилась к своей племяннице Линделл, которая сидела на коврике перед ка-

мином, подбрасывая в вялый огонь еловые шишки, и сказала в своей обычной манере, не в тему:

— Так или иначе, в войне есть один положительный момент — если бы нам пришлось сидеть в той ужасной кичливой гостиной, мне бы хотелось вопить, как тем девушкам, которые на днях написали в «Дейли мэррор».

Лин наморщила носик и спросила:

— Каким девушкам?

Миссис Армитедж, вытянув из волос спицу, ответила:

— Тем трем. Им наскучила их работа, и они сказали, что им порой хочется вопить. Ну так я бы тоже вопила, если бы мне пришлось сидеть в комнате с семью люстрами и пятьюдесятью зеркалами.

Линделл послала ей воздушный поцелуй.

— Только с шестью, дорогая, — я вчера их считала, — и с тремя люстрами. Я совершенно согласна, но почему кичливой?

— Потому что сэра Амброза Джослин, который был дедом Анны и двоюродным дедом Филиппа, создал ее на деньги своей жены. Я полагаю, он сделал это, чтобы ее позлить, — они не ладили, ты ведь знаешь. Она его оставила, но он умудрился до этого соорудить гостиную и выстроить то ужасное северное крыло, и, полагаю, она почувствовала, что больше этого не вынесет, и убралась вместе с деньгами, пока он все не истратил, а не то Анне бы ничего не досталось, а Филиппу пришлось бы продать Джослин-Холт. Так что все к лучшему. О боже, я упустила петлю!

Лин хихикнула — это была милая крошка, стройная, бледная, сероглазая, с густыми мягкими темными кудрями — и дотронулась рукой до пуловера.

— Две, дорогая. Вам лучше не отвлекаться. Лучше дайте мне.

— Нет, я подхватчу их сама — я смогу, если серьезно возьмусь за дело. Да, я считаю, Филиппу повезло, что и Анна, и деньги оказались под рукой. Конечно, сейчас прошла мода на браки между кузенами. Забавно, как меняется мода, потому что в викторианских романах это было сплошь да рядом — даже между двоюродными, что уже чересчур. Анна и Филипп только троюродные, и поскольку он унаследовал титул и имение, а у нее были деньги на их поддержание, все сказали, что лучше и не придумаешь... хотя не знаю, как бы они ладили, если бы брак продлился, потому что Анна, конечно... ну, Анна... — Голос миссис Армитедж замер, она ловила убежавшие петли.

Линделл порозовела и горячо сказала:

— Анна была славная.

Миссис Армитедж вернула петлю на розовую спицу и произнесла:

— О да. Анна была привлекательной.

Линделл еще больше порозовела.

— Очень славная!

— Да, моя дорогая. — Светлые глаза моргнули. — Конечно, у тебя было — как это у вас зовется — помешательство на ней в школьные годы, верно? Я и позабыла. Но ведь ты не часто видела ее с тех пор?

Линделл покачала головой.

— Только на свадьбе. Но я никогда не забуду те летние каникулы за год до войны, когда Анна гостила здесь со своей тетушкой. Я часто думала с тех пор, как легко было бы Анне досадовать на меня. Помните, тут были вы, миссис Кендал, Филипп и Анна. Анне было девятнадцать лет — уже вполне взрослая, — а мне

только шестнадцать, я была просто соплячкой и, наверное, ужасно ей докучала, но Анна вела себя чудесно. Множество девушек раздражались бы на ее месте, третировали меня и не желали бы возиться с подростком, но Анна была просто чудесна. Она всюду брала меня с собой и позволяла во всем участвовать. Она была славная. И если Филипп не поладил с ней, после того как они поженились, то это, вероятно, его вина.

Милдред Армитедж посмотрела на нее поверх своего растерзанного вязанья.

— Они оба любили поступать по-своему. Оба были всего лишь детьми, а Анна была очень хорошенькой и с кучей денег, и она заранее не подумала, что это совсем не сахар — распоряжаться деньгами, когда ты замужем за таким гордым человеком, как Филипп.

Глаза Лин глянули на нее с испытующим выражением.

— А Филипп гордый?

— О, моя дорогая, конечно!

— Так ли уж?

— Ну... — Миссис Армитедж пожала плечами. — Как бы там ни было, за такой недолгий срок дела у них просто не успели разладиться. А может, они бы и вовсе не разладились. Или сначала бы пошли наперекосяк, а потом опять выровнялись. Ты можешь думать о ней вполне доброжелательно.

— Со мной она была чудесной, — в третий раз повторила Линделл. — Было так любезно с ее стороны пригласить меня в качестве подружки невесты.

Она встала и, пройдя до середины комнаты, подняла глаза на висящий над каминной полкой портрет женщины в полный рост. Это было знаменитое полотно работы Эмори «Девушка в меховом пальто»,

и оно было написано с Анны Джослин через несколько недель после свадьбы. Мягкий темный мех поверх тонкого голубого платья, нити жемчуга, светящееся овальное лицо с розовыми губами, в ореоле тронутых золотом небрежных завитков, нежное цветение юности и счастья. Анна Джослин смотрела с картины как живая. Молодая женщина в мехах, с непокрытой головой, быть может собирающаяся на вечеринку и улыбающаяся в предвкушении. А год спустя она погибла где-то на пляже в Бретани, под треск автоматных очередей.

Глаза Линделл расширились. Она продолжала смотреть на картину, сияющую в лучах электричества всеми красками. Комната Анны... портрет Анны... А сама Анна погибла двадцатиоднолетней! Девушка гневно повернулась к Милдред Армитедж:

— Почему она вам не нравилась?

Вязанье бесформенной грудой обмякло на обтянутых горчичной юбкой коленях.

— Мое дорогое дитя, я едва ее знала. Мать Анны не очень-то ладила с Джослинами. Ты должна помнить, что Мариан была дочерью старого Амброза и ее воспитали, приучив смотреть на него как на чудовище. Он взял себе другую женщину, и у них был сын — можешь представить, как это было воспринято. Поэтому Мариан выросла в ненависти к Джослинам и в том же духе воспитала Анну. Только после ее смерти золовка Мариан миссис Кендал — вполне здравомыслящая женщина — позволила Анне встретиться с нами. Я сама, конечно, не из Джослинов, но когда моя сестра вышла за отца Филиппа, мы просто смешались с ними. Так что я не видела Анну, пока ей не исполнилось девятнадцать.

Но Линделл продолжала с осуждением смотреть на нее.

— Почему она вам не нравилась?

Она говорила «почему не нравилась», но подразумевала «почему не любили». Как мог человек, знавший Анну, ее не любить? На это у нее не было ответа.

Милдред Армитедж издала негромкий раздосадованный возглас:

— Откуда я знаю? Человек не проникается любовью к кому-то вот так, наспех — не в моем возрасте, во всяком случае. Она была молода, красива, у нее была куча денег, и миссис Кендал явно планировала выдать ее за Филиппа. Что ж, Анна за него вышла, и все это произошло слишком быстро, чтобы понять, чем оно обернется.

— Но вам она не нравилась!

В ответ на сердито дрожащий голос девушки Милли Армитедж широко обезоруживающе улыбнулась.

— Не надо впадать в ярость. Наши склонности от нас не зависят. Джейн Кендал хотела, чтобы она вышла за Филиппа, а я — нет.

— Почему вы не хотели?

— Во-первых, потому, что они были кузенами. Я не считала, что два конкурента придут к согласию. У всех Джослинов есть в характере абсолютно фатальные черты — гордость и упрямство.

— У Анны не было!

— Разве? Она хотела выйти за Филиппа, и она за него вышла.

— Почему бы и нет?

— Никаких причин, кроме разве что той, что ее мать скорее бы умерла, чем позволила ей это сделать. Я не виню Анну за это — я не виню их обеих. Не было